

УДК 11.8:82(47)
ББК 87.3(2)53-694

КРУГ МЕРЕЖКОВСКИХ О ВЛ. СОЛОВЬЕВЕ ДО РЕВОЛЮЦИИ И В ЭМИГРАЦИИ¹

О.А. КОРОСТЕЛЕВ

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН
ул. Поварская, 25а, г. Москва, 121069, Российская Федерация
okorostelev@mail.ru

Рассматривается эволюция восприятия Д.С. Мережковским и его ближайшим окружением (З.Н. Гиппиус, Д.В. Filosofov) личности и идей В.С. Соловьёва в разные периоды его жизни и творчества. Отдельные аспекты этой темы затрагивались в оставленных современниками свидетельствах, а также в позднейших исследованиях, от З.Н. Гиппиус до А.Ф. Loseva, но выходявшие до сих пор публикации касались обычно какого-либо одного периода либо аспекта взаимоотношений и все вместе никогда не сводились так, чтобы можно было проследить динамику. На материале частной переписки, в том числе ранее не публиковавшейся, а также дневников, мемуаров и отзывов в печати рассматривается эволюция отношения кружка Мережковских к мыслителю: от неприятия при жизни через посмертное частичное приятие до позднейшего безусловного пиеета в эмиграции. Проанализированы встречи Мережковских с В.С. Соловьёвым в последнее десятилетие его жизни, а также их восприятие личности В.С. Соловьёва, запечатленное в переписке тех лет и в позднейшей мемуаристике. Отмечено, что в этот период с их стороны преобладало преимущественно эстетическое неприятие. Также рассмотрено изменение воззрений Мережковских после смерти В.С. Соловьёва, когда они начали осознавать его масштаб как мыслителя. Наконец, выделен третий этап, эмигрантский, когда Мережковские воспринимали Соловьёва уже как своего ближайшего соратника и одного из немногих духовных учителей для эмигрантской молодежи

Ключевые слова: символизм, нищезанство, новое религиозное сознание, Всеединство, Третий Завет, триумvirат Мережковских, полемика о Пушкине 1899 г., учение о любви, духовные учителя эмиграции

MEREZHKOVSKEYS' CIRCLE ON VLADIMIR SOLOVYOV BEFORE THE REVOLUTION AND IN EMIGRATION

O.A. KOROSTELEV

M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
25a, Povarskaya St., Moscow, 121069, Russian Federation
okorostelev@mail.ru

The work analyzes the evolution of perception of Vl. Solovyov's personality and ideas by D.S. Merezhkovsky and his circle (Z.N. Gippius, D.V. Filosofov) in different periods of the writer's life and work. Some of the aspects of this subject were mentioned in the works of that time and in later studies, from Z.N. Gippius to A.F. Losev, but the works published so far have analyzed only one period or aspect of their relationship and have never brought them all together aiming to trace their changes. This work attempts, first of all, to analyze this development and to identify different periods in the com-

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01432).

plex evolution of Merezhkovskys' attitude to the famous thinker. The work is primarily based on the materials of private correspondence, including those that have not been published before (which explains the use of long quotations), as well as diaries, memoirs and reviews in the press. It analyzes Merezhkovskys' meetings with Vl. Solovyov in the last decade of his life and their perception of Solovyov's personality expressed in the correspondence of that time and later in their memoirs. It is concluded that in this period their attitude was mostly that of aesthetic rejection. The article also traces the evolution of Merezhkovskys' views after Vl. Solovyov's death when they at last began to realize the sheer scale of his thinking. Finally, the author of the article describes the third, emigrant, period when the Merezhkovskys perceived Solovyov as their closest associate and one of the few spiritual teachers for the emigrant youth. Based on all the data given in the article, the author makes a conclusion that the evolution of Merezhkovskys' attitude to Vl. Solovyov went through three stages: from rejection in his lifetime through posthumous partial acceptance to the later unconditional piety in emigration.

Keywords: *symbolism, Nietzscheanism, new religious consciousness, All-Unity, the Third Covenant, the Merezhkovskys' triumvirate, controversy about Pushkin in 1899, the doctrine of love, the spiritual teachers of emigration.*

Д.С. Мережковский и его ближайшее окружение с молодых лет и до конца жизни проявляли большой интерес к личности и наследию В.С. Соловьева. Тема эта затрагивалась в мемуарах и исследованиях, от З.Н. Гиппиус до А.Ф. Лосева, но существующие исследования посвящены обычно какому-либо одному периоду либо аспекту взаимоотношений так, что можно было проследить динамику этих взаимоотношений не представляется возможным².

В большинстве учебников по литературе и книг для широкого читателя Вл. Соловьев обычно упоминается как предтеча символистов, а Д.С. Мережковский как один из зачинателей этого нового движения. И это, в общем-то, верно. Д.С. Мережковский сослался на Вл. Соловьева уже в своей знаменитой лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»: «На примере Соловьева видно, как в новом человеке возможно это сочетание глубокого религиозного чувства с искренней и великой жаждой земной справедливости. <...> После многих лет, как в молодые годы у Пушкина, у Белинского, у всех лучших русских людей, любовь к народу и общественная справедливость снова являются у Вл. Соловьева как *идеал бесконечный и божественный, как святость, как вдохновение, в ореоле красоты и поэзии*» [4, с. 98–99]. Но о непосредственной преемственности говорить не приходится. Начинались отношения на гораздо менее оптимистической ноте.

Мережковские познакомились с Вл. Соловьевым не позднее сентября 1891 года. Много позднее З.Н. Гиппиус описывала эту встречу в умиленных тонах, вспоминая, что произошла она в доме Варвары Леонидовны Оппель: «Чуть ли не там впервые ... встретился мне этот красивый, растрепанный чело-

² См., в частности: Мозговая Э.Я. В.С. Соловьев и Д.С. Мережковский: грани соприкосновения // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. XIX. М.: РАГС, 1996. С. 112–125 [1]; Анненкова Н.В. Значение наследия В.С. Соловьева в формировании религиозно-философских взглядов Д.С. Мережковского // В.С. Соловьев: жизнь, учение, традиции. Екатеринбург, 2000. С. 10–12 [2]; Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 327–355 [3].

век с серьезными глазами и с постоянными взрывами такого дикого хохота, что непривычные вздрагивали» [5, с. 2]. Однако частная переписка Мережковских 1890-х годов свидетельствует о том, что первое впечатление было негативным и ранние отзывы З.Н. Гиппиус о Вл. Соловьеве были крайне нелестными. В письме Н.М. Минскому от конца сентября 1891 года З.Н. Гиппиус описала ту первую встречу несколько по-иному: «Вечером мы пошли к Оппель. Там было целое собрание, унылое, мрачное, тяжелое, петербургское. <...> рядом со мной Владимир Соловьев. Последний среди всеобщего молчания прочитал педерастическую комедию о Мещерском и капитане Борозде. Дамы смотрели искренно-невинными глазами, я злилась. Вдруг, среди вновь наступившего всеобщего молчания, Гольцев выкрикивает на весь стол, обращаясь к Дм<итрию> С<ергеевич>у: “А вы спросите-ка, спросите-ка Николая Ивановича (Кареева) о реферате Минского!”. Столько злобы я услышала в его голосе, что невольно вздрогнула. Д.С. что-то ответил, кажется, что он знает, что был – но все оживились, все, начиная с Михайловского и кончая Вл. Со<ловье>вым. Что это было! Какой позор!» [6, с. 163].

Вообще, надо сказать, если собрать тогдашние упоминания Мережковскими имени Вл. Соловьева, то это будет очень контрастировать с позднейшими их отзывами и теперешними мнениями исследователей. В письмах З.Н. Гиппиус 1890-х годов о внешности, манерах и выступлениях Соловьева говорится мало лестного. В письме Н.М. Минскому З.Н. Гиппиус 6 декабря 1892 года дала Вл. Соловьеву характеристику более чем мрачную: «ничтожество с нехудожественным смехом и скверными зубами»³.

1 ноября 1896 года она написала А.Л. Волынскому об одном из вечеров у В.И. Иксуль фон Гиндельбанд: «Вот скука-то была у баронессы! Какая она неинтеллигентная, все-таки, дама! Оттого и люди, ее окружающие, так не интеллигентны, до неприличия. Владимир Соловьев читал статью о Случевском ... и, право, они оба друг друга стоили, у Случевского есть какие-то нотки, впрочем, но Владимир! Право, это постыдно» [7, с. 327–328].

В позднейших мемуарах З.Н. Гиппиус описала годы знакомства с Вл. Соловьевым куда более мягко: «Мы должны были бы, в эти годы (1897–1900) сойтись с Вл. Соловьевым, но этого почему-то не случилось. Мы его знали лично, встречали и у баронессы Иксуль, и у графа Прозора, читали вместе с ним на литературных вечерах (не студенческих “демократических”, а более “фешенебельных”), с его младшей сестрой Поликсеной, я даже была и тогда, и после его смерти, долгие годы, в самых приятельских отношениях, – а все-таки у нас с ним – лично – что-то не вязалось. Он жил в Москве, в СПб бывал наездами, когда приезжал – был окружен кучами “приятелей”, которые

³ См.: Переписка Н.М. Минского с З.Н. Гиппиус (1891–1912) / вступ. ст., примеч. С.В. Сапожкова; сост. и подгот. текстов А.В. Сысоевой, С.В. Сапожкова // Литературное наследство. Т. 106. В 2 кн. Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус / сост. Н.А. Богомолов и М.М. Павлова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 1. С. 226 [6].

“нам ничего не говорили”, – да, пожалуй, и ему самому. Я не помню, чтобы он где-нибудь при нас (в обществе) говорил о чем-нибудь серьезном. У него была привычка “острить” (не остро, такая же привычка оказывалась у сестры, Поликсены), а хохот его, каким он свои “остроты” сопровождал, был до такой степени необычен и неприятен (он был знаменит), что – мне по крайней мере – никакого удовольствия встречи с ним и не доставляли. Помню, однажды мы в белую ночь поехали на “острова” – с ним и с милым приятелем нашим, старым рыцарем баронессы Иксуль – М. Кавосом. Кто-то из нас вспомнил древнего философа, на лысину которого упала черепаха, которую нес орел, и убила его. Соловьев, захохотав, сказал, что лучше умереть от черепахи, чем от рака. Это все-таки была еще “острота”, но почему он, с тем же хохотом, объявил, – когда мы проезжали мимо Елагинского дворца и я сказала, что тут, вблизи, домик, где родился Д. С., – что это “le comble de l’amour conjugal” <вершина супружеской любви> – уже совершенно было непонятно» [8, с. 74–75].

Характерный смех и юмор Вл. Соловьева продолжали удивлять З.Н. Гиппиус и в эмиграции. В своих воспоминаниях о Блоке она написала: «Вл. Соловьев, для которого христианство и служило истоком его “провиденный”, мог безбоязненно перепрыгивать из одного порядка в другой, мог в “Трех Встречах”, – самой “несказанной” из поэм, – вдруг написать, захохотав, строчку: “Володенька, да как же ты глупа”» [9, с. 110].

Началось все с эстетического неприятия самой фигуры Вл. Соловьева и его отзывов в частной переписке. Затем последовало столкновение и в печати в виде полемики о Ницше.

В мае 1899 года к столетию со дня рождения А.С. Пушкина вышел двоянный юбилейный номер «Мира искусства» (№ 13/14), включавший статьи В.В. Розанова «Заметка о Пушкине», Д.С. Мережковского «Праздник Пушкина», Н.М. Минского «Заветы Пушкина» и Ф. Сологуба «К всероссийскому торжеству».

В статье Мережковского содержался выпад в сторону Вл. Соловьева: «С открытым лицом, с рыцарским прямодушием выступил Вл. Соловьев. Ссылаясь на святоотеческую книгу, Лимонарий св. Софрония патриарха Иерусалимского, объявил он, что пуля Геккерена была направлена не случаем, а Промыслом:

Жизнь его не враг отъял,
Он своею силой пал.
Жертва гибельного гнева⁴.

Убийца невинен. Пушкин сам себя убил. Или лучше сказать, бог убил его, карая за безумную ревность, за нарушенное слово императору и за другие безнравственные поступки. Что посеял, то и пожал, – умер достойною смер-

⁴ Немного измененные строки из баллады Фридриха Шиллера «Торжество победителей» («Das Siegesfest», 1803 г.) в переводе (1828 г.) В.А. Жуковского. У Жуковского: «Жизнь твою не враг отнял: / Ты своею силой пал, / Жертва гибельного гнева».

тью, смертью злодея и клятвопреступника, осужденный богом. О, конечно, в своем христианском прощении и незлобии Вл. Соловьев не поддержал бы собственной рукой руки убийцы, не нажал бы собственным пальцем курок его пистолета. Но теперь, когда казнь совершилась, когда Геккерен-палач исполнил смертный приговор судьбы – Вл. Соловьева, теперь, с безопасной высоты святоотеческого Лимонария на страницах либерального “Вестника Европы”, Вл. Соловьев со спокойной совестью произнес над памятью поэта-язычника христианскую анафему» [10, с. 13–14].

В.С. Соловьев отозвался статьей «Особое чествование Пушкина» (1899 г.), связав юбилейные номера «Мира искусства» с рождением «нищепанского» мировоззрения в русской культуре⁵.

Д.С. Мережковский не стал отвечать Вл. Соловьеву в печати, предоставив сделать это Д.В. Философова. Тот, как рупор Мережковских, нередко выступал в печати не со своими мыслями, а как бы с общими идеями триумvirата (т.е., по сути, излагал мысли З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, защищая групповые интересы). Кто играл в триумvirате первую скрипку, об этом до сих пор спорят, одни отдают первенство Д.С. Мережковскому, другие З.Н. Гиппиус, не спорят лишь о Д.В. Философове, который всегда был третьим членом триумvirата и на самостоятельность претендовал нечасто. Вот и на этот раз Д.В. Философов ответил Вл. Соловьеву от лица всех «русских нищепанцев», посетовав на то, что «весь “серьезный разговор” г. Соловьева сводится к вышучиванию статьи Розанова и к двум-трем небрежным щелчкам по адресу Мережковского и Минского»⁶.

В.С. Соловьев ответил Д.В. Философова письмом в редакцию «Вестника Европы»⁷. Ответил опять не вполне серьезно, в сущности, отшутился, а Мережковские хотели услышать от него более серьезные суждения о нищепанстве в русской культуре. Упомянутое Вл. Соловьёвым нищепанство они восприняли не как случайно брошенное в полемике определение, а как верно подмеченную черту и готовы были с гордостью соответствовать. Спустя век исследовательница отметит: «Именно в Нищепан Мережковский увидел мыслителя, не побоявшегося перейти ту черту, перед которой остановился В. Соловьев, заключивший “компромисс” с традиционной христианской церковью» [14, с. 104].

Мережковские в это время уже создали собственную «новую церковь», обдумывая, как распространить ее на все человечество, и воспринимая это как начало новой эры. Им грезились «новый пол», «святая плоть», духовный брак, а отсюда «новая общественность» и вообще все должно было преобразиться. Этими идеями они старались увлечь собственное окружение, в том числе и младосимволистов, на которых Вл. Соловьев имел куда большее влияние.

⁵ См.: Соловьев В.С. Особое чествование Пушкина // Вестник Европы. 1899. № 7. С. 408–432 [11].

⁶ См.: Философов Д.В. Серьезный разговор с нищепанцами (Ответ Вл. Соловьёву) // Мир искусства. 1899. № 16/17. С. 25 [12].

⁷ См.: Соловьев В.С. Против исполнительного листа // Вестник Европы. 1899. № 10. С. 848–852 [13].

23 декабря 1902 года А.А. Блок написал М.С. Соловьеву: «М-ме Мережковская однажды выразилась, что Соловьев устарел и “нам” надо идти уже дальше» [15, с. 49].

Трудно сказать, чего тут было больше, искреннего стремления вести за собой молодые умы или опасений, что конкурент окажется сильнее. Некоторая ревность к популярности и влиянию В. Соловьева явно была. И если В.С. Соловьева не получалось легко «преодолеть» и «идти дальше», нужно было хотя бы «присвоить», выделить и подчеркнуть в нем черты, нужные Мережковским. Это и стало сутью второго этапа, вылившись, прежде всего, в статьи Д.С. Мережковского и Д.В. Философова 1910-х годов.

В это же время случались и полемические выпады. Например, на собрании Религиозно-философского общества 3 ноября 1909 года Д.С. Мережковский в своем докладе «Земля во рту» разразился сарказмом по поводу благонамеренного письма В.С. Соловьева Тертию Филиппову: «Бедный Вл. Соловьев! До какой глубины нисхождения, унижения нужно было дойти, чтобы уверовать в Тертия Филиппова, как в зацветающий померанец! Бедный пророк, поющий оффенбаховскую песенку перед этим оффенбаховским “эпитропом Гроба Господня” (церковный чин Тертия!)» [16, с. 10].

Но основное содержание этого периода – попытка усвоить идеи Вл. Соловьева. Только теперь Мережковские по-настоящему обращаются к наследию Вл. Соловьева и находят в нем все больше общего со своими собственными мыслями. З.Н. Гиппиус искренне призналась позднее: «Когда я, уже после его смерти, его перечитывала сплошь – я там нашла столько идей, от которых можно и должно было, приняв их, идти дальше, что не переставала ему удивляться. Д. С. никогда не читал его пристально, между идеями обоих были совпадения иногда, но именно совпадения» [8, с. 75]. В свое оправдание З.Н. Гиппиус поспешила добавить: «Можно сказать, в общем, что мало кто В. Соловьева в то время читал и понимал» [8, с. 76].

Наиболее заметные статьи членов триумvirата о Вл. Соловьеве относятся к этому времени, большинство их опубликовано в 1908–1915 годах: статьи Д.С. Мережковского «Немой пророк» (Речь. 1908. 10 (23) августа. № 190. С. 3), «В.С. Соловьев» (Биржевые ведомости. 1915. 15 (28) ноября. № 15211. С. 3) и Д.В. Философова «Католичество Вл. Соловьева» (Русское слово. 1910. 26 августа. № 196. С. 2), «Правда Вл. Соловьева» (Речь. 1911. 16 (29) мая. № 132. С. 3), «Могила Владимира Соловьева» (Речь. 1915. 1 (14) августа. № 209. С. 2; то же: Современное слово. 1915. 1 (14) августа. № 2710. С. 1), а также отзывы на новые издания его сочинений.

Наибольшую известность получила статья Д.С. Мережковского «Немой пророк», в которой Вл. Соловьев одновременно и «гностик, может быть, последний великий гностик всего христианства», и «тайный славянофил, несмотря на всю свою явную полемику с крайним правым крылом славянофильства», и «консерватор в высшем смысле этого слова, может быть, вообще единственный консерватор в современной, революционной России, и как всякий консер-

ватор – либерал, но отнюдь не революционер», и «предтеча Новой Церкви», «безумный и безмолвный пророк»⁸.

Едва ли не больше всех возмущался этими суждениями Д.С. Мережковского А.Ф. Лосев, назвав их безответственными мифами и явной фантастикой: «Д.С. Мережковский в своей оценке Вл. Соловьёва избрал совсем другой путь. Но путь этот, мы бы сказали, не очень удачен потому, что преследует скорее цели эффекта и сенсации, чем цели серьезной объективности» [18, с. 596].

Чем обусловлены наиболее резкие отзывы Д.С. Мережковского о Вл. Соловьёве, чего там было больше, ревности к конкуренту или желания казаться самостоятельнее, чем на самом деле, – можно только гадать. А.Ф. Лосев в своей работе считал это вполне понятным, но в объяснения вдаваться не стал: «Если бы мы захотели объяснить всю эту сенсационную фантастику Мережковского, это можно было бы сделать без труда на основании изучения его творчества. Но здесь заниматься этим мы не будем, поскольку это не тема нашей работы» [18, с. 599]. Очень жаль, что А.Ф. Лосев не развернул своего тезиса и не остановился хоть немного подробнее на объяснениях причин, которые казались ему очевидными.

А вот, например, В.В. Розанов видел в обоих мыслителях много общего, в частности, сближал их неожиданно на весьма оригинальном основании, очень по-розановски, записав в «Мимолетном»: «В Соловьёве, вот как и в Мережковском, есть какая-то странная (и страшная для меня) ирреальность. “Точно их нет”, “точно они не родились”. А ходят между нами привидения под псевдонимом “Соловьёв”, “Мережковский” Страшным и таинственным образом (тут у него сходство с Мережковским) я не предполагаю вообще в нем бытия какой-нибудь крови, и если бы “порезать” палец ему – потекла бы сукровица, вода. А кровь? Не умею вообразить. Вот не сказал ему тогда: “Влад. Серг., если бы вам порезаться – у вас бы не вытекло крови”. Уверен: он задрожал бы от страха (и тоски): это *главная его тайна*» [19, с. 225].

Д.С. Мережковский с этим согласился бы. И.В. Одоевцева в своих воспоминаниях рассказала, как он выступал в Париже на вечере «Зеленой лампы»: «Благодарю Тебя, Господи, что я никого не родил и никого не убил. В этой, несколько странной для непосвященных, молитве русский ученик Платона, Вл. Соловьёв, соединяет эти две язвы в одну. – И я поэтому с Соловьёвым! – воскликнул Мережковский, ударяя себя в грудь» [20, с. 404].

Общих черт было, конечно, больше: оба реформаторы, осознававшие системный кризис в обществе, философии, религии и стремящиеся преодолеть его. Вл. Соловьёв – единственный из русских мыслителей, создавший более или менее цельную философскую систему. Н.А. Бердяев еще до революции написал: «Одному Мережковскому удалось создать целую религиозную конструкцию, целую систему неохристианства» [21, с. 54]. Насколько можно говорить об общих чертах соловьёвского Всеединства и Третьего завета Мережков-

⁸ См.: Мережковский Д.С. Немой пророк // Речь. 1908. 10 (23) августа. № 190. С. 3 [17].

ских – это отдельная и сложная тема. Их пытались сравнивать и находить сходства и различия⁹, но вряд ли можно считать тему исчерпанной.

В эмиграции ситуация вновь меняется: если при жизни Вл. Соловьева в отношении к нему преобладало неприятие, а после смерти – опасливое признание и ревность к конкуренту, то теперь Вл. Соловьев однозначно воспринимается Мережковскими как союзник, за идеи и наследие которого они несут определенную ответственность, поэтому должны защищать его от искажений и попыток адаптировать, присвоить другими группировками.

В книге «Тайна трех: Египет и Вавилон», выпущенной в 1925 году, а написанной и того раньше, Мережковский выделяет тех, кто помогает ему «продираться сквозь мертвые дебри учености к живым родникам знания: ... Гете, Шеллинг, Карлейль, Мицкевич, Гоголь, из новых – Ницше, Ибсен, Вейнингер, Вл. Соловьев, Розанов и величайший из всех Достоевский»¹⁰.

З.Н. Гиппиус в эмигрантских статьях цитирует Вл. Соловьева очень часто, порой спорит с ним, но чаще приводит как авторитет, истолковывает, борется за его наследие, защищая от разных групп, пытающихся на него претендовать. (См., в частности, ее статьи «Оправдание свободы», «Меч и крест», «Христиане на службе» и др.)

Когда парижское издательство YMCA выпускает издание Вл. Соловьева, выбрав тексты по собственному усмотрению¹¹, З.Н. Гиппиус немедленно бросается в бой, резонно заявляя, что «весь смысл Соловьева в его *цельности*, и вне цельности к нему, как следует, подойти нельзя», и добавляя: «Я думаю, борьба за Соловьева только начинается. Ее тактика – непременно вот это “раздранье риз”, расчлененье, разделение неделимого соловьевского “всеединства”. Определенные, национал-православные, консервативные группировки будут делать все возможное, чтобы заgrimировать Соловьева “под своего”» [25, с. 2].

В программу нового журнала, создававшегося в Париже в 1927 году под кураторством З.Н. Гиппиус, Вл. Соловьев вписывается одним из четырех столпов, на которых должно зиждиться мирозерцание молодого эмигрантского литератора. В открывающей первый номер редакционной статье была сделана попытка определить приоритеты: «Мы не включаем себя и не включаемся ни в какие “установленные” рубрики литературы (“идеалисты”, “реалисты”, “символисты”, “нигилисты”, “эстеты” просто и т.д.), не включаемся также ни в какие определенные группы эмиграции, – мы имеем свою родословную в истории русского духа и мысли. Гоголь, Достоевский, Лермонтов, Вл. Соловьев – вот имена в прошлом, с которыми для нас связывается будущее» [26, с. 32].

⁹ См., например: Красильникова М.Ю., Наумов Ю.В. Религиозный модернизм Серебряного века: В.С. Соловьев, Д.С. Мережковский // Современные исследования социальных проблем (Электронный научный журнал). 2013. № 10 (30). <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/10201324> [22].

¹⁰ См.: Мережковский Д.С. Тайна Трех: Египет и Вавилон. Прага: Пламя, 1925. С. 22 [23].

¹¹ См.: Соловьев В. Духовные основы жизни. Paris: YMCA Press, 1926. 192 с. [24].

Найдя себе в эмиграции нового конфидента в лице Г.В. Адамовича, З.Н. Гиппиус в переписке затевает с ним разговоры о Вл. Соловьёве¹². Г.В. Адамович признается, что Соловьёва не читал, а З.Н. Гиппиус старательно подталкивает его к этому. Г.В. Адамович, правда, до конца жизни так и не проникся Соловьёвым, но З.Н. Гиппиус приложила к этому все усилия, понимая, в частности, масштаб влияния проповеди Г.В. Адамовича на эмигрантскую молодежь.

З.Н. Гиппиус в эмигрантские годы любила поминать некоторые тезисы Соловьёва, особенно Троиединство из «Смысла любви», как свое постоянное руководство к действию. 30 августа 1926 года З.Н. Гиппиус пишет С.П. Мельгунову: «Для меня нет явлений, которые не лежали бы, соединенно, в одном и том же порядке: Истины, Добра и Красоты. Таким образом, в частности, я не признаю а-политичного искусства (ни безобразной или ложной политики). Эту мою принципиальную точку зрения (которую я разделяю с Вл. Соловьёвым) я не устаю подчеркивать в *каждой* моей статье, какой бы темы она ни касалась» [28].

Д.С. Мережковский также в эмиграции упоминал Вл. Соловьёва в гораздо более возвышенных тонах, чем раньше, в том числе и в связи с этими темами: «Миф-мистерию Платона или, точнее, доплатоновских орфиков о двуполом Эросе, уже для самого Платона темный, раскрывает его христианский ученик Вл. Соловьёв, с такою ясностью, как этого не делал никто никогда. Там, где нынешние люди, настоящие и бывшие христиане одинаково, видят только “половое безумие”, Вл. Соловьёв находит “смысл любви”, и, может быть, не случайно этот луч света упал в нашу Содомскую ночь» [29, с. 341].

П.П. Гайденко трактует это как непосредственное влияние Вл. Соловьёва на Мережковских: «Мистико-романтическое учение В.С. Соловьёва о половой любви как пути к спасению, к воссоединению человека с Богом, любви-влюбленности, которая должна всегда оставаться платонической, – вот один из источников нового культа, который пытались осуществить Мережковские и Философов» [14, с. 101].

В последние годы Д.С. Мережковский называл особенно близкими себе Вл. Соловьёва и В.В. Розанова¹³, т.е. как раз тех, с кем особенно остро полемизировал в молодости. А в книге «Тайна Запада: Атлантида–Европа» Д.С. Мережковский заявил: «Может быть, недаром именно в эти страшные дни нам посланы три великих пророка Матери: Гете, Ибсен и Вл. Соловьёв» [31, с. 482].

Д.В. Философов вслед за дореволюционными статьями о Вл. Соловьёве в первой половине 1920-х годов посвятил ему еще ряд статей: «По поводу» («За свободу!» 1923. 11 июля. № 152 (893). С. 2), «Владимир Соловьёв» («За свободу!» 1925. 12 января. № 10 (1414). С. 2), «Иману-Эль. 25 лет со дня кончины

¹² Переписка З.Н. Гиппиус с Г.В. Адамовичем (1925–1941) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и О.А. Коростелева // Литературное наследство. Т. 106. В 2 кн. Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус / сост. Н.А. Богомолов и М.М. Павлова. М.: ИМЛИ РАН. Кн. 2 [27].

¹³ См.: Письма Д.С. Мережковского А.В. Амфитеатрову / публ., вступ. заметка и примеч. М. Толмачев и Ж. Шерон // Звезда. 1995. № 7. С. 160 [30].

Владимира Соловьева» («За свободу!» 1925. 13 августа. № 211 (1615). С. 2–3; 14 августа. № 212 (1616). С. 2–3), «Злободневность идей Владимира Соловьева» («За свободу!» 1925. 11 декабря. № 312 (1716). С. 2–3).

Возвращение к Вл. Соловьеву на новом этапе Д.В. Философов объяснил так: «Теперь, в эмиграции, на вынужденном досуге, имя Владимира Соловьева загорелось новым, о, сколь родным, блеском. ... именно он был бы наилучшим учителем для растерявшейся молодежи, которая зачастую цепляется за омертвевший монархизм старого типа только потому, что не имеет настоящего учителя» [32, с. 2].

Так получилось, что в эмиграции Мережковские стали одними из наиболее активных пропагандистов личности и идей Вл. Соловьева, отстаивая право трактовать его по-своему и пресекая подобные попытки других групп.

Таким образом, отношение Мережковских к Вл. Соловьеву претерпело кардинальные изменения: от неприятия через усвоение его идей к возведению на пьедестал. В 1890-е годы они относились к нему как к современнику, в 1910-е годы – как к властителю дум, влиявшему на умы молодого поколения, а в эмиграции – как к союзнику. И в каждый из периодов велась борьба: сначала борьба с Соловьевым, затем борьба против Соловьева и, наконец, борьба за Соловьева.

Список литературы

1. Мозговая Э.Я. В.С. Соловьев и Д.С. Мережковский: грани соприкосновения // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. XIX. М.: РАГС, 1996. С. 112–125.
2. Анненкова Н.В. Значение наследия В.С. Соловьева в формировании религиозно-философских взглядов Д.С. Мережковского // В.С. Соловьев: жизнь, учение, традиции. Екатеринбург, 2000. С. 10–12.
3. Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 472 с.
4. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1893. 192 с.
5. Гиппиус З.Н. Далекая единственная встреча // Сегодня. 1931. 15 марта. № 74. С. 2.
6. Переписка Н.М. Минского с З.Н. Гиппиус (1891–1912) / вступ. ст., примеч. С.В. Сапожкова; сост. и подгот. текстов А.В. Сысоевой, С.В. Сапожкова // Литературное наследство. Т. 106. В 2 кн. Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус / сост. Н.А. Богомолов и М.М. Павлова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 1. С. 163.
7. Письма З.Н. Гиппиус к А.Л. Волынскому / публ. А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 12. М.; СПб.: Atheneum, Феникс, 1993. С. 274–341.
8. Гиппиус-Мережковская З.Н. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, 1951. 308 с.
9. Гиппиус З.Н. Мой лунный друг (О Блоке) // Окно: Трехмесячник литературы (Париж). 1923. № 1. С. 103–153.
10. Мережковский Д. Праздник Пушкина // Мир искусства. 1899. № 13/14. С. 11–20.
11. Соловьев В.С. Особое чествование Пушкина // Вестник Европы. 1899. № 7. С. 408–432.
12. Философов Д.В. Серьезный разговор с ницшеанцами (Ответ Вл. Соловьеву) // Мир искусства. 1899. № 16/17. С. 25–28.
13. Соловьев В.С. Против исполнительного листа // Вестник Европы. 1899. № 10. С. 848–852.

14. Гайдено П.П. Д.С. Мережковский: Апокалипсис «всесокрушающей религиозной революции» // Вопросы литературы. 2000. № 5. С. 98–126.
15. Письмо А.А. Блока М.С. Соловьёву от 23 декабря 1902 г. // Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 8. С. 48–49.
16. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: в 3 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. Т. 2. 600 с.
17. Мережковский Д.С. Немой пророк // Речь. 1908. 10 (23) августа. № 190. С. 3.
18. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Молодая гвардия, 2000. 617 с.
19. Розанов В.В. Мимолетное / сост., подгот. текста и коммент. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. 541 с.
20. Одоевцева И. На берегах Сены. Париж: La Presse Libre, 1983. 529 с.
21. Бердяев Н.А. Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Русская мысль. 1916. № 7. С. 52–72.
22. Красильникова М.Ю., Наумов Ю.В. Религиозный модернизм Серебряного века: В.С. Соловьёв, Д.С. Мережковский // Современные исследования социальных проблем (Электронный научный журнал). 2013. № 10 (30). <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/10201324>
23. Мережковский Д.С. Тайна Трех: Египет и Вавилон. Прага: Пламя, 1925. 365 с.
24. Соловьёв В. Духовные основы жизни. Paris: YMCA Press, 1926. 192 с.
25. Гиппиус З.Н. Мертвый младенец в руках // Последние новости. 1926. 18 февраля. № 1793. С. 2.
26. От редакции // Новый корабль. 1927. № 1. С. 3–4.
27. Переписка З.Н. Гиппиус с Г.В. Адамовичем (1925–1941) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и О.А. Коростелева // Литературное наследство. Т. 106. В 2 кн. Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус / сост. Н.А. Богомолов и М.М. Павлова. М.: ИМЛИ РАН. Кн. 2.
28. Письма З.Н. Гиппиус к С.П. Мельгунову (1925–1942) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и О.А. Коростелева // Литературное наследство. Т. 106. В 2 кн. Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус / сост. Н.А. Богомолов и М.М. Павлова. М.: ИМЛИ РАН. Кн. 2.
29. Мережковский Д.С. Тайна Запада: Атлантида–Европа. Белград: Русская тип., 1930 [на обл. 1931]. 532 с.
30. Письма Д.С. Мережковского А.В. Амфитеатрову / публ., вступ. заметка и примеч. М. Толмачев и Ж. Шерон // Звезда. 1995. № 7. С. 158–169.
31. Мережковский Д.С. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 14: Тайна Трех: Египет и Вавилон; Тайна Запада: Атлантида–Европа / сост., подгот. текста, послесл., коммент. О.А. Коростелева и Е.А. Андрущенко при участии А.В. Журбиной. М.: Дмитрий Сечин, 2017. 807 с.
32. Философов Д.В. По поводу // За свободу! 1923. 11 июля. № 152 (893). С. 2.

References

1. Mozgovaya, E.Ya. V.S. Solov'ev i D.S. Merezhkovskiy: grani soprikosnoveniya [V.S. Solovyov and D.S. Merezhkovsky: boundaries of contact], in *Otechestvennaya filosofiya: opyt, problemy, orientiry issledovaniya. Vyp. XIX* [Russian philosophy: experience, problems, reference points of research. Issue XIX]. Moscow: RAGS, 1996, pp. 112–125.
2. Annenkova, N.V. Znacheniye naslediya V.S. Solov'eva v formirovaniy religiozno-filosofskikh vzglyadov D.S. Merezhkovskogo [Significance of V.S. Solovyov's heritage in shaping D.S. Merezhkovsky's religious and philosophical views], in *V.S. Solov'ev: zhizn', uchenie, traditsii* [V.S. Solovyov: life, teaching, traditions]. Ekaterinburg, 2000, pp. 10–12.
3. Gaydenko, P.P. *Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka* [Vladimir Solovyov and the Silver Age philosophy]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2001. 472 p.
4. Merezhkovskiy, D.S. *O prichinakh upadka i o novykh techeniyakh sovremennoy russkoy literatury* [On the causes of decline and on the new trends in contemporary Russian literature]. Saint-Petersburg: Tipo-litografiya B.M. Vol'fa, 1893. 192 p.

5. Gippius, Z.N. Dalekaya edinstvennaya vstrecha [The far and only meeting], in *Segodnya*, 1931, 15 marta, no. 74, p. 2.

6. Perepiska N.M. Minskogo s Z.N. Gippius (1891–1912) [N.M. Minsky's correspondence with Z.N. Gippius (1891–1912)], in *Literaturnoe nasledstvo. T. 106*. [Literary heritage. Vol. 2]. V 2 kn. Epistol'yarnoe nasledie Z.N. Gippius [Epistolary heritage of Z.N. Gippius]. Moscow: IMLI RAN, 2018, book 1, p. 163. (v pechati).

7. Pis'ma Z.N. Gippius k A.L. Volynskomu [Z.N. Gippius' letters to A.L. Volynsky], in *Minuvshee: Istoricheskiy al'manakh* [The Past: a historical almanac]. Moscow; Saint-Petersburg: Atheneum, Feniks, 1993, issue 12, pp. 274–341.

8. Gippius-Merezhkovskaya, Z.N. *Dmitriy Merezhkovskiy* [Dmitry Merezhkovsky]. Parizh: YMCA-Press, 1951. 308 p.

9. Gippius, Z.N. Moy lunnyy drug (O Bloke) [My lunar friend (About A. Blok)], in *Okno: Trekhmesyachnik literatury* [Window: Three months of literature]. 1923, no. 1, pp. 103–153.

10. Merezhkovskiy, D. Prazdnik Pushkina [Pushkin's Holiday], in *Mir iskusstva*, 1899, no. 13/14, pp. 11–20.

11. Solovyov, V.S. Osoboe chestvovanie Pushkina [Special commemoration of Pushkin], in *Vestnik Evropy*, 1899, no. 7, pp. 408–432.

12. Filosofov, D.V. Ser'eznyy razgovor s nitcheantsami (Otvét Vl. Solov'evu) [A serious conversation with the Nitzscheans (Reply to V. Solovyov)], in *Mir iskusstva*, 1899, no. 16/17, pp. 25–28.

13. Solov'ev, V.S. Protiv ispolnitel'nogo lista [Against the writ of execution], in *Vestnik Evropy*, 1899, no. 10, pp. 848–852.

14. Gaydenko, P.P. D.S. Merezhkovskiy: Apokalipsis «vsokrushayushchey religioznoy revolyutsii» [Merezhkovsky: The Apocalypse of the «All-Destroying Religious Revolution»], in *Vo-prosy literatury*, 2000, no. 5, pp. 98–126.

15. Pis'mo A.A. Bloka M.S. Solov'evu ot 23 dekabrya 1902 g. [A.A. Blok's letter to M.S. Solovyov of December 1902], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 8* [Collected Works in 8 vol., vol. 8]. Moscow; Leningrad: GIHL, 1963, pp. 48–49.

16. *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): Istoriya v materialakh i dokumentakh: 1907–1917. V 3 t., t. 2* [Religious-philosophical society in St. Petersburg (Petrograd): History in materials and documents: 1907–1917. In 3 vol., vol. 2]. Moscow: Russkiy put', 2009. 600 p.

17. Merezhkovskiy, D.S. Nemoy prorok [The mute prophet], in *Rech'*, 1908, 10(23) avgusta, no. 190, p. 3.

18. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and his time]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2000. 617 p.

19. Rozanov, V.V. *Mimoletnoe* [The Fleeting]. Moscow: Respublika, 1994. 541 p.

20. Odoevtseva, I. *Na beregakh Seny* [On the banks of the Seine]. Parizh: La Presse Libre, 1983. 529 p.

21. Berdyaev, N.A. Novoe khristianstvo (D.S. Merezhkovskiy) [New Christianity (D.S. Merezhkovsky)], in *Russkaya mysl'*, 1916, no. 7, pp. 52–72.

22. Krasil'nikova, M.Yu., Naumov Yu.V. Religioznyy modernizm Serebryanogo veka: V.S. Solov'ev, D.S. Merezhkovskiy [Religious Modernism of the Silver Age: V.S. Solovyov, D.S. Merezhkovsky], in *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern research into social problems], 2013, no. 10(30). Available at: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/10201324>.

23. Merezhkovskiy, D.S. *Tayna Trekh: Egipet i Vavilon* [The Mystery of the Three: Egypt and Babylon]. Praga: Plama, 1925. 365 p.

24. Solov'ev, V. *Dukhovnye osnovy zhizni* [Spiritual foundations of life]. Paris: YMCA Press, 1926. 192 p.

25. Gippius, Z.N. Mertvyi mladenets v rukakh [Dead baby in the hands], in *Poslednie novosti*, 1926, 18 fevralya, no. 1793, p. 2.

26. Ot redaktsii [From the editorial board], in *Novyy korabl'*, 1927, no. 1, pp. 3–4.

27. Perepiska Z.N. Gippius s G.V. Adamovichem (1925–1941) [Correspondence between Z.N. Gippius and G.V. Adamovich (1925–1941)], in *Literaturnoe nasledstvo. T. 106* [Literary heritage.

Vol. 106]. V 2 kn. Epistolyarnoe nasledie Z.N. Gippius [Epistolary heritage of Z.N. Gippius]. Moscow: IMLI RAN. Kn. 2. (v pečati).

28. Pis'ma Z.N. Gippius k S.P. Mel'gunovu (1925–1942) [Z.N. Gippius's letters to S.P. Mel'gunov (1925–1942)], in *Literaturnoe nasledstvo. T. 106* [Literary heritage. Vol. 106]. V 2 kn. Epistolyarnoe nasledie Z.N. Gippius [Epistolary heritage of Z.N. Gippius]. Moscow: IMLI RAN. Kn. 2. (v pečati).

29. Merezhkovskiy, D.S. *Tayna Zapada: Atlantida–Evropa* [Mystery of the West: Atlantis-Europe]. Belgrad: Russkaya tip., 1930 [na obl. 1931]. 532 p.

30. Pis'ma D.S. Merezhkovskogo A.V. Amfiteatrovu [D.S. Merezhkovsky's letters to A.V. Amphitheatrov], in *Zvezda*, 1995, no. 7, pp. 158–169.

31. Merezhkovskiy, D.S. *Sobranie sochineniy v 20 t., t. 14: Tayna Trekh: Egipet i Vavilon; Tayna Zapada: Atlantida–Evropa* [Collected Works in 20 vol., vol. 14: The Mystery of the Three: Egypt and Babylon; The Mystery of the West: Atlantis-Europe]. Moscow: Dmitriy Sechin, 2017. 807 p.

32. Filosofov, D.V. Po povodu [About], in *Za svobodu!*, 1923, 11 iyulya, no.152 (893), p. 2.